

ВЕСТНИК

ОБЪЕДИНЕНИЯ РУССКИХ ЛОЖ
Д. и П. Шотландского Устава

Июнь 1960 г.

Париж

№ 4

ОГЛАВЛЕНИЕ

Д. • Бр. • . Князь В.Л. Вяземский Статья Бр. • . П.А. Бобринского	
Св. Иоанн креститель и Иудейско-гностические секты I и II века Статья Бр. • . Б.Н. Ермолова	
Будущий Человек и будущее Человечество Статья Бр. • . с.П. Тикстона	
О Масонском Методе Доклад Бр. • . М.В. Гардера	

Корреспонденцию надлежит адресовать по следующему адресу:

Monsieur M.Kornfeld, 125 Rue N.D. des Champs, Paris 6⁰ France

Д. • Бр. • . КНЯЗЬ В.Л.ВЯЗЕМСКИЙ

Отошел на Восток Вечный Бр. • . В.Л.Вяземский. и с его уходом перевернулась еще одна страница истории русского масонства за границей.

С этой уже не короткой историей неразрывно связано имя Бр. • . Владимира Леонидовича. Как многие из русских братьев, вступивших в масонство в начале двадцатых годов, он был посвящен в вольные каменщики в Англо-Саксонской ложе № 343, работавшей в Париже под сенью В. • Л. • . Франции. Это было в 1923 году и почти с первых же месяцев пребывания в ложе, бр. • . Вяземский принял самое деятельное участие в организации русского масонства, в окружении бр. • . Л.Д. Кандаурова и его ближайших сотрудников.

Трудно себе представить без Бр. • . Вяземского эту «героическую» эпоху, о которой он так любил вспоминать. Мы видим его повсюду занимающим самые ответственные места, своей кипучей энергией и темпераментом способствуя успеху каждого начинания. Прежде всего в Д. • Л. • . «Астрея», к которой он приобщился почти сразу же по посвящении. Уже в 1927 году он был избран Д. • М. • . и в течение четырех лет с блеском руководит работами Ложи.

Он принимает затем самое деятельное участие в устройстве русского масонского дома на улице Иветт, и может действительно считаться его создателем. Проявленная им неутомимая энергия, связанная с организаторскими способностями, позволила в короткий срок превратить запущенный особняк в Пасси в русских масонский центр с прекрасным храмом, библиотекой и помещением для дружеских бесед и бр. • . трапез.

Ближайшее участие Бр. • . Владимир Леонидович принял также в учреждении Объединения Русских Лож Шотландского Устава, в проведении его статута в В. • Л. • . Франции и организации его работ. Он был избран первым его Преседателем в 1925 году, и заслуги его в этом деле были должным образом оценены Советом Объединения, избравшим его, уже после войны, Почетным Управляющим Мастером.

После возобновления работ в 1946 году, Бр. • . Вяземский состоял членом двух лож: «Астрея» и «Лотос», как и раньше деятельно участвуя в их трудах. В 1957 году он был во второй раз избран Д. • М. • . ложи «Астрея», и под его управлением состоялось объединение двух наших ложб «Астрея» и «Гермес».

Историк по образованию – он окончил историко-филологический факультет Петербургского Университета - Бр. • . Владимир Леонидович много свободного времени посвящал истории, и большинство прочитанных им докладов посвящены историческим темам, обычно связанным с историей русского масонства. Доклады эти вызывали неизменно большой интерес среди братьев Восток... и колонны ложи, в которой он выступал, всегда были украшены многочисленными братьями всех русских лож.

В лице Бр. • . В.Л. Вяземского, Почетного Управляющего Мастера и Нам. • .М. • . Ложи «Астрея», русское масонство понесло непоправимую утрату. Кто мог предвидеть преждевременную эту кончину? Правда, за последние шесть месяцев он болел и редко нас посещал. Но ничто не позволяло ожидать роковой развязки...

В четверг 19-го мая он провел утро в работе над докладом, который он должен был прочесть в конце месяца на объединенном собрании Лож «Астрея» и «Лотос». Перед завтраком он почувствовал себя плохо. И его нашли в кресле уже почившим.

23-го мая мы провожали его на место последнего упокоения на русском кладбище в С.Женевев де Буа.

Да будет легка ему земля.

П. Бобринский.

СВ. ИОАНН КРЕСТИТЕЛЬ
И ИУДЕЙСКО-ГНОСТИЧЕСКИЕ СЕКТЫ I-II ВЕКА
(Слово Нам. • М. • Б.Н. Ермолова в день празднования
летнего солнцестояния 24 июня 1960 г.)

Мы знаем, что Синие Ложы первых трех степеней нашего Устава носят название Лож Святого Иоанна, которое символическое масонство переняло от оперативных «братств Св. Иоанна». Масонство, в сущности, считает своими патронами обоих Иоаннов и Иоанна Крестителя и Иоанна Богослова, но в день летнего солнцестояния празднуется именно Иоанн Креститель, который, как предвестник грядущего Солнца Правды – Христа, как нельзя более подходит к празднику Солнца, в период апогея его небесного восхождения. Как проповедник братства, добродетели и терпимости (вспомним его совет солдатам) Иоанн Креститель имеет действительно много общего с идеологией Масонства. Надо отметить, что орден Тамплиеров в свое время также особенно чтил Иоанна Крестителя и торжественно праздновал этот день летнего солнцестояния, в его честь.

Личность Иоанна Крестителя играет большую роль не только в христианстве, где по словам Евангелия он «величайший из пророков», но он является также учителем и пророком в ряду сект I-II века иудео-гностического толка.

По поручению Достосл. • Упр. • М. • , я и скажу несколько слов об его роли в этих сектах.

В первую очередь, надо отметить отшельническую общину на берегах Мертвого моря – так называемых Ессеян, откуда весьма вероятно вышел и сам Иоанн Креститель.

Это отшельническое братство описал уже в начале I-го века Филон Александрийский, наряду с другими аскетическими сектами, как персидские маги, египетские терапевты, индусские гимнософисты и прочие, но лишь теперь, после открытия рукописей в Кумра. На берегу Мертвого моря, мы знаем подробности об этой секте.

Отличительным признаком ессеян были общинная жизнь, отказ от личной собственности, рабства, войны и принесения кровавых жертв. Они предавались созерцательным подвигам, изучению Священного Писания, богомудрию и добродетелям. По национальности, они были евреи. Часть практиковала обет целомудрия, другая допускала женитьбу.

Доктрина ессеян проникнута апокалиптическим духом, т.е. ожидания пришествия Мессии. Она эзотерична, т.е. учение было тайным и сообщалось лишь посвященным, под клятвой не разглашать учение секты даже под угрозой смерти, что подтверждается Кумранскими документами.

Одно время, была тенденция вывести само христианство, целиком, из ессейства и личность Христа объяснялась как позднейший аспект ессейского пророка «Учителя Правда» - «Le maltre de la Justice». Только что возникшее христианство действительно много заимствовало от ессеян, которые называли себя последователями «Нового Завета». Однако христианство, с самого начала, переработало все воспринятое от ессеян совершенно в другом духе и уже сам «Учитель Правды» являет совсем другой облик нежели евангельский Христос. Приведу несколько примеров этой разницы:

«Учитель Правды» происходил из священнической семьи колена Левита и почитался сектой как Мессия – священник Ааронов. Он подвизался лишь в Иудее.

Христос – не из священнической семьи, а из колена Иуды, почитался как Мессия – Царь Израиля, сын Давидов и проповедовал на берегах Тивериадского Озера в Галилее.

«Учитель Правды» внушал своим последователям глубокое уважение, доходящее до суеверного страха, Имя его не произносилось. Он был строгий аскет, милосерд, но неумолимо строг к себе и другим, избегая общение с грешниками, дабы не оскверниться.

У Христа – самые дружеские, простые отношения с учениками. Его постоянно окружала толпа. Его имя не было тайной. Он общался со всеми, даже с мытарями и грешниками. Ел и пил все. («Иоанн Креститель не пил и не ел и его прозвали одержимым дьяволом и – т.д.»)

Доктрина «Учителя Правды» полна гностической тайны, построена на современных ему философско-мистических учениях и передавалась лишь посвященным. Он сам писал свои сочинения.

Учитель Евангелия проповедовал толпе. Говорил самым простым и понятным языком и благодарил бога за то, что Он открыл детям все, что скрыто от мудрых и ученых. Не писал ничего о своем учении.

Переходя к самой секте ессеян, можно кратко указать коренные отличия ее от первой христианской общины в Иерусалиме, а также и некоторые сходные черты.

Ессеянская община была организована как военная милиция, со строгим выбором начальствующих и дисциплиной, с разработанным судебным аппаратом и кодификацией, шкалой наказаний и наблюдением за поведением каждого.

Евангельское учение говорит, что «если кто-либо хочет быть первым. Да будет последним и слугой всем». И «не судите да не судимы будете».

Гностическая доктрина ессеян передавалась лишь посвященным, называвшимся «умными-сознательными», другие именовались

«простецами». Пораженные недугами ли телесными недостатками не допускались на собрания секты. Религиозные предписания чрезвычайно подробны, особенно почитание субботы.

Христос зовет на божественную трапезу именно немощных, слепых, хромых и т.д. Он не упраздняет субботу, но говорит что Суббота для человека, а не человек для субботы.

Тем не менее, отрицая формализм и сухость ессейской доктрины, Христос разделяет основные духовные искания секты, а ее ригоризмом проникнута и первая община христиан Иерусалима Апостола Петра. Вспомним наказание смертью Анании и Сапфиры за утайку части их собственности. Этот националистичный ригоризм исчезает лишь после появления Апостола Павла.

Сто лет после «Учителя Правды», в Иудейской пустыне явился новый пророк Иоанн Креститель, предсказанный пророком Исайей как «глас вопиющего в пустыне, приуготовляющий путь к господу» (Мат.3.1/6). О нем, кроме евангельского текста, мы знаем и из Истории Иосифа Флавия, что «он был человек благостный, который увещевал евреев быть добродетельными, справедливыми, благочестивыми, чтобы быть достойными крещения». Вокруг Иоанна собралось значительное количество слушающих его проповеди.

Кумранская монашеская община как раз характеризуется проповедью покаяния, исповедания грехов и крещения, и ожиданием Царства Небесного.

Ученые специалисты, как Пюеш, Дюпон-Соммер и дргие, допускают, что Иоанн был некоторое время членом ессейской общины, но вышел из нее на личную и независимую проповедь и отшельнический подвиг. И его ученики отличаются от ессеян, несмотря на общность основной доктрины.

По своему отцу, Иоанн происходит из священнической семьи саддукеев, т.е. еврейской аристократии. Тем замечательнее, что он отошел от семейного традиционного священства. По-видимому он ушел из Ессейской общины молодым, в степени ученика до принесения клятвы. Независимый по своим убеждениям, он мог взять примером «Учителя Правды», но раньше удалился в пустыню, где питанием его были акриды и дикий мед. Возможно. Что вскоре последовала за ним и часть ессеян. Его крещение напоминает крещение ессеян. Оно было не только очищением от грехов, но символом нового духовного рождения. Новокрещенный уподоблялся Духу Божию который носился над водою до сотворения мира. И это было приготовлением к апокалиптическому последнему дню.

В проповеди Иоанна слышится антагонизм между их учением и ортодоксальным иудаизмом, а его терпимость к коммунальному строю сближает его с Христом. Иоанн угадал в нем мессию и открыто это признал, ставя себя на подчиненное место.

Печальная история его ареста и мученической смерти всем известна. Евангельский текст сравнивает его с Ильей, который должен был вновь появиться перед Мессией и также погибнуть насильственной смертью.

Перед падением Иерусалима в 70 году, христианская община, как и ессеяне бежали в Трансиорданию, где несомненно произошел контакт между ними и группой учеников Иоанна оставшихся верными своему учителю. Послание Апостола Павла к евреям на это намекает. Это смешение разных религиозных течений, способствовало проникновению и чисто гностических учений. Появляются гностическо-христианские секты, на которые учения ессеян и Иоанна оказали не малое влияние. Можно думать, что возникшая в VIII-м веке секта карaitов является одним из этих поздних примеров.

Другая секта, в которой Иоанн Креститель играет большую роль – это Мандеисты существующие и поныне в Ираке. «Мандая» - значит этот кто овладел знанием – «манда».

Мандеисты называют себя Назореями или христианами Св. Иоана, но это не мешает им быть врагами не только мусульман, но и евреев и христиан. Появление секты Мандеистов датируется III-м веком. Она несомненно – отпрыск баптистских сект в Палестине. Литература Мандеистов насыщена гностическими элементами. Одна из их священных книг называется «Книгой Иоанна Крестителя». Они практикуют крещение и имеют три священнических степени, причем допускаются и женщины. Их доктрина-амальгама учений вавилонских, персидских. Еврейских и манихейских. Главный предмет культа – «Царь Света» с целым рядом гностических эманаций. Они отрицают обет целомудрия, обрезание, идолопоклонство и практику высокую мораль благости и милосердия. В книге «Иоанна Крестителя» повествуется легендарная история Пророка, в которой излагается его проповедь, крещение им Христа, но затем текст переходит в прямое обвинение Христа и христиан в том, что они извратили учение Иоанна. Христианство для них есть заблуждение. Гностический элемент сказывается в учении мандеистов об эонах и в упразднении обета целомудрия. Один из эонов «Манда Хайее» спаситель душ, был якобы также крещен Иоанном в Иордане, как и Христос. Повидимому, личность Иоанна вошла в доктрину мандеистов сравнительно поздно и ему приписывается роль лишь посланника Мессии.

Иоанн мог также оказать влияние на секту «Эбионитов», которые себя называли «Нищими братьями».

В Коране Иоанн почитается как великий пророк.

После открытия Кумранских рукописей, личность Иоанна Крестителя выросла в меру своего исторического значения – он действительно соединительное звено между Ветхим и новым заветами и через него аскетизм до-христианский стал идеалом духовного подвижничества и новой религии. Он уже не одинокая, странная фигура на фоне истории Израиля, но лишь наиболее яркий, исключительный представитель своей эпохи, именно религиозно-мистического и аскетического течения, в схизматическом конфликте с господствующей раввинистической религией и обрядностью в Палестине, что не мешало ему быть верным последователем Моисея и Библии.

Христианство с первого же начала своего оформления как Церковь возвела Иоанна Крестителя на вершину своей небесной иерархии, поставила его наравне с Богородицей непосредственно у трона Христа, где они являются ходатаями за людей.

В этот день Святого Иоанна и летнего солнцестояния, мы русские масоны, по примеру наших предков, чествуем память Предтечи как патрона нашего Ордена.

Он является для нас символом, во-первых, синтеза между двумя великими религиями, от которых произошла вся наша двухтысячелетняя христианская Европейская культура и, во-вторых, примата духовности над материальной, иллюзорной природой всего мирского и физического человека в первую очередь.

Его призыв к духовному совершенствованию людей не потерял актуального значения и в наши дни. Наоборот, как никогда, может быть, раньше. Человечество, в апогее своего материального могущества, но и на самом краю мировой катастрофы. Так не нуждалось в моральном оздоровлении и в возвращении к духовности. Основанной на евангельском учении о Любви.

Мировое масонство, можно сказать, стремится следовать по стопам своего святого патрона.

Да поможет на в этом делании В. • С. • В. • .

Б.Н. Ермолов.

БУДУЩИЙ ЧЕЛОВЕК и БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Попытка приподнять завесу закрывающую перед нами будущее, постараться представить себе образ будущего человека, будущего мира, являлась мечтой и объектом размышлений мыслителей, начиная с самой глубокой древности и стремление это особенно остро проявляется в наши дни. Социальная утопия Платона, смутные чаяния сошествия духа Святого на землю милленаристов, утопии Томаса Мура, Кампанеллы, Кабэ, Сен-Симона, Руссо, пророчества Гегеля, Ницше и Маркса –

рисовали нам картину будущего общества и характерно, что все эти описания были, в конце концов, по крайней мере с точки зрения их авторов, оптимистическими.

Не менее характерно и то, что в описываемых в последнее время картинах будущего общества, этого оптимизма больше нет и что современная литература и современная философия проявляют много пессимизма в видениях будущего.

Если весь девятнадцатый век жил в убеждении, что человечеству суждено светлое будущее, если Чехов мог вложить в уста доктора Астрова знаменитые слова о том, насколько прекрасна будет жизнь через двести или триста лет, то величайший русский мыслитель, Достоевский, необыкновенно проницательно и, воистину, пророчески дал нам совсем иную картину этого «Светлого» будущего в своем описании «шигалевщины», где отсутствует свобода. После того как в 1914 году старый «ренессансный» мир, как говорит Бердяев, исчез и наступило новое средневековье, современные мыслители все больше и больше готовы признать правду в описании будущего мира за Шигалевым, а не за доктором Астровым и не за сиентистами XIX века.

Такие литературные произведения, как «Brave New World» Aldous Huxley, появившееся в 1932 году и появившееся в прошлом году «Brave New World Revisited», того же автора, как «1984» George Orwell'a, как «Reflexions sur la Conduite de la Vie» доктора Карреля, как романы Кафки, экзистенциальная философия, как все произведения Бердяева, рисуют нам очень страшную картину будущего мира, о котором можно уже судить по тому, что мы видим сейчас и немудрено, что именно этой проблемой призвал нас заняться наш В. • Д. • в своей речи на инсталляции нашего Ареопага.

Мне кажется, что для того, чтобы попытаться, если не разрешить эту проблему, что – увы! – не в наших силах, так как будущее нам знать не дано, то постараться в ней как-то разобраться, нам следует предварительно остановиться на трех вопросах тесно с нею связанных:

1. причинах оптимистических прогнозов в прошлом;
2. причинах пересмотра прежних позиций;
3. на роли и значении идеи Свободы в судьбах Человечества.

Говоря конечно, очень схематически и грубо, и оставляя в стороне оптимизм, основанный на грядущем сошествии Духа Святого, т.е. на чистой вере, весь оптимизм мыслителей XVIII и XIX веков вытекал из идеи прогресса и эволюции, и мне представляется необходимым более подробно остановиться на этом принципе, лежащем, конечно, и в основе масонства.

Понятия прогресса и регресса имеют значение исключительно в рамках телеологической мысли. В этих рамках логично определять словом «прогресс» приближение к преследуемой цели и словом «регресс» отдаление от этой цели. Вне ясно определенной цели, понятия эти. На мой взгляд, лишены всякого смысла.

Ошибкой философии девятнадцатого века можно считать то, что она вплела оптимистическую идею прогресса в теории биологической эволюции. Сравнивая известное состояние с предшествующим состоянием данного объекта, можно говорить о развитии или эволюции, являющимися процессом ведущим от предшествующего к настоящему. Но совершенно произвольно отождествлять изменение с улучшением и рассматривать эволюцию как новое фатальное и неизбежное приближение к лучшему, высшему состоянию и применять эту теорию к человеку и обществу (это также признает Бердяев: «Закона необходимого исторического прогресса нет», пишет он, это противоречит свободе человека и предполагает ложную телеологическую гносеологию). Социальная философия XVIII века основывалась на утверждении, что человечество достигло, если можно так выразиться, своего совершеннолетия. В то время как в произведениях мыслителей прошлого преобладали метафизические и теологические ошибки, отныне, считали эти философы, наступило царство разума. Пришло время, когда народы, все больше и больше освобождающиеся от цепей традиции и суеверия, должна концентрировать все усилия на постоянном улучшении социального строя. Человеческое общество должно сделаться обществом свободных людей, стремящихся к большему благосостоянию наибольшего количества. Мыслители этого времени твердо верили в неизбежность такого процесса, опираясь на разум, и единственное о чем они жалели было то, что они сами не могли рассчитывать дожить до осуществления их пророчества.

Все эти надежды были основаны на твердом убеждении в том. Что в то время как народ обладает всеми моральными качествами и наделен разумом, высшие классы, аристократы, живущие за счет народа и эксплуатирующие его, представляют собою обратную картину – полной развращенности и моральных недостатков.

Это предвзятое мнение разделялось гуманистами, философами и либералами, но едва ли имеется больше оснований утверждать, что народ и массы всегда и во всем правы, чем провозглашать непогрешимость монархов-помазанников Божьих. И в первом и во втором утверждении можно усматривать только веру, т.е. нечто иррациональное. А не разум, как это представляли себе мыслители XVIII века. Эта вера в светлое будущее человечества, после освобождения его от оков и физического и нравственного рабства, одушевляло этих мыслителей и из веры этой создалось своеобразное учение, получившее название мелиоризма. Доктрина эта сыграла огромную и, может быть и по сей день

недостаточно оцененную роль. Я имею ввиду то, что именно она дала рождение другой доктрине, о громадном влиянии которой на весь ход современной истории не приходится сейчас спорить, т.е. марксизму.

Маркс жил в эпоху. В которой доктрина эволюционного мелиоризма была почти общепринятой. Невидимая рука Провидения ведет человечество, независимо от воли или желания людей, снизу вверх, от низшего состояния к высшему. Каждый последующий этап в жизни народов является фатально более высоким и лучшим, потому что предшествующий этап, по одному тому, что предшествует, должен рассматриваться как низший и худший. Гегель умер на несколько лет до появления первых трудов Маркса, формулировав эту доктрину в своей блестящей «философии истории», и Ницше начавши печатать, в момент смерти Маркса, свои не менее блестящие произведения, также на нее опирался. Доктрина эта была мифом последних 200 лет. Она предлагала признать разумность истории *en bloc*, заставляя личность перед ней преклониться. Это был соблазн оптимистического гегелианства, столь роковой для русской интеллигенции, начиная с Белинского. Маркс сумел включить социалистическую веру, социалистическую, созданную им догматическую религию, в мелиористскую доктрину. Схематически, это сводилось к утверждению неизбежности наступления социализма в будущем. Один этот факт уже свидетельствовал о том, что социализм является более высокой и совершенной системой, чем капитализм, на смену которого ему суждено придти. Согласно Марксу, наступление социализма представлялось неизбежным и, согласно мелиористской доктрине, явление это не могло не быть прогрессом. Маркс доказывал свое пророчество двояко: во-первых, опираясь на диалектический метод Гегеля и утверждая что частная капиталистическая система является первоначальным отрицанием индивидуальной собственности и должна привести к возникновению коллективной собственности и, во-вторых, критикуя капиталистическое хозяйство, которое должно неминуемо вести к прогрессивному обеднению трудящихся масс.

Как пишет Бердяев в своем посмертном произведении «Царство Духа и Царство Кесаря»:

«Можно удивляться роли. Которую сейчас играет марксизм созданный сто лет тому назад. Марксистская доктрина не соответствует современной социальной действительности и современной философской и научной мысли; во многих частях она совершенно устарела... Марксисты... живут в созданном ими фиктивном фантазмагорическом, мифическом отвлеченно-геометрическом мире. Они совершенно не видят сложности многообразия человеческой индивидуальности и действительности. Они по манихейски делят мир на две части: мир, который они хотят уничтожить, для них управляется злым богом и, потому, в отношении к нему все средства дозволены. Существуют два мира, два лагеря, две партии... Всякое обращение к обще-человеческой

универсальной морали христианской или гуманистической есть хитрость врага, желающего ослабить борьбу.»

Тот же Бердяев определяет марксизм как философию истории заключающую в себе «профетический» и мессианский элемент. И, действительно, исходным пунктом пророчества Маркса является какое-то откровение, благодаря которому ему стали известны планы таинственных сил, руководящих судьбами мира и определяющих ход истории. Так же как и Гегель, Маркс был пророком открывающим народам полученное им откровение.

Но нельзя не отметить того. Что и сам Бердяев, так сурово критиковавший Марксизм, никогда, и до самого конца своей жизни, не смог освободиться от полученной им в юности марксистской закваски. Так, будучи страстным защитником свободы, быть может в большей мере, чем кто бы то ни было из современных философов, он допускал ограничение этой свободы в плане экономическом. Он шел и дальше, допуская экономическую диктатуру, во имя защиты слабых и эксплуатируемых, не учитывая, что принимая это, он, в сущности. Ограничивает сферу свободы исключительно духовной областью и допускает. В конце концов, настоящее рабство в мире, называемом им Царством Кесаря, т.е. в том физическом мире, в котором мы обитаем. Отстаивая духовную свободу для тех немногих, кто живет творчеством духовных ценностей, он, сам того не замечая, создает маленький остров свободы для мыслителей и поэтов в океане всеобщего рабства. Если вспомнить притом, что для того же Бердяева видимый мир есть символ мира невидимого, т.е. Царства духа, где царит свобода, то эта его позиция представляется противоречивой и может объясняться лишь тем, что, по-существу, разрыв его с Марксом никогда не был полным и окончательным. Я умышленно так подробно остановился на марксизме, вытекшим из оптимистической доктрины мелиоризма, так как мне представляется, что пессимизм, сквозящий в современных прогнозах на будущее человечества является прямым следствием применения на практике как самого марксизма. Так и доктрин из него вытекших, т.е. фашизма и национал-социализма. Даже так называемые свободные западные общества, которые открыто борются с марксизмом, очень многое от него заимствовали и тот новый человек, который уже родился и которому суждено прийти на смену «ренессансному» человеку, является в одинаковой степени созданием и марксизма и либеральной школы.

То что наиболее характеризует современного и, по всей вероятности, будет еще более характеризовать будущего человека, это ярко выраженная им воля рассматривать себя исключительно историческим существом. Это отличает его от человека прошлого, жившего в ином мире, не историческом, а традиционном. Сейчас в мире царит феноменологическая идеология, которая не мыслит человека вне истории и идеология эта принята и марксистами и либералами.

Идеологии двух лагерей не сходятся между собою в определении сущности истины и свободы, и между ними происходит спор. Марксисты провозглашают превосходство их доктрины над предшествующей ей либеральной доктриной, исходя из того, что они идут в ногу с историей. Они считают себя носителями истины, которая неминуемо приведет человека к свободе, в то время как либералы исходят из обратной предпосылки. Для них, истина в истории может быть найдена только человеком признающим себя свободным и способным сделать выбор.

И перед марксистами, и перед либералами, ставится проблема Истины и Свободы, но в то время как первые признают примат истины ведущей к свободе, либералы стараются свободу раньше истины и не считают возможным найти ее вне предварительного признания свободы.

Но и те и другие мыслят исключительно в рамках истории и не пытаются найти подлинную истину и подлинную свободу в обращении к Высшему Началу.

Этот новый человек, замкнувшийся в рамки истории. Ограничил поле своей деятельности материальными достижениями и, в своем опьянении от головокружительных успехов техники, он задался дерзновенной целью, сожидать новый Рай на земле. Он сотворил новый мир, приспособленный для материального прогресса, но не пригодный для индивидуального совершенствования и духовного развития. В этом новом мире человек имеет дело уже не с природой, сотворенной Богом, а с новой реальностью, созданной самим человеком; с реальностью машины, техники, которых в природе нет. Роковым последствием техники является развитие этатизма. Государство делается всемогущим, все более тоталитарным и не только в тоталитарных государствах; оно не хочет признавать никаких границ своей власти и рассматривает человека лишь как средство и орудие. Говоря о власти техники над человеческой жизнью, Бердяев замечает, что «моральное и духовное развитие не соответствует техническому развитию и это создает главную причину нарушения равновесия человека. Только совпадение социального движения с духовным движением, пишет он, может вывести человека из состояния раздвоенности и потерянности. Только через духовное начало, которое есть связь человека с Богом, человек делается независимым и от природной необходимости и от власти техники. Но развитие духовности в человеке означает не отвращение от природы и техники, а овладение ими».

Как рисуют себе новый мир современные мыслители?

В книге «Brave New World» Aldous Huxley, вышедшей в 1931 году, на которую я ссылаюсь, автор изображал жизнь человечества через 600 и 700 лет и она представлялась ему в виде строго организованного, кастового иерархизированного общества, в котором отсутствует какая бы то ни было свобода, где биологически создаются, как в улье, особи

заранее предназначенные для той или иной роли в жизни, где практикуется систематическое внушение, даже во время сна, той идеологической догматики, которая проповедуется всесильным государством. В новом государстве-улье конечно царит полное единомыслие, о введении которого в России мечтал Козьма Прутков всего только 100 лет тому назад, и проект этот, над которым так весело смеялись наши деды и отцы, которым он представлялся верхом нелепости, вдруг, в наши дни приобретает уже совсем не шуточное значение.

Сам Huxley, в своей новой книге «Brave new World Revisited», признает, что он, 30 лет тому назад, никак не предполагал, что его пророчества, написанные тоже отчасти с оттенком прутковской шутки, могли бы оправдаться как скоро и сделаться реальностью если не сегодняшнего, то действительно завтрашнего дня. Многие мыслители констатировали факт ускорения времени, за которым человек не может угнаться. Как замечает Бердяев, «от человека требуется невероятная активность, от которой он не может опомниться. Активность человеческого духа оказывается осбаленной. В техническую эпоху происходит также активное вступление и историю огромных человеческих масс и происходит как раз тогда, когда они потеряли свои религиозные верования. Все это создает глубокий кризис человека и человеческой цивилизации. Главной причиной того, что человечество так скоро пошло по пути ведущему к описанному Huxley новому обществу-улью является, по мнению автора, невероятный рост народонаселения и вот чрезвычайно убедительные статистические данные, которые он приводит в своей новой книге.

Население земли, в первый год нашей христианской эры, сводилось к каким-нибудь 250 миллионам людей. В XVI веке, число обитателей нашей планеты удвоилось; оно достигло 700 миллионов в конце XVIII века, и в 30-х годах нашего столетия народонаселение исчислялось приблизительно двумя миллиардами людей. В 1959 году, т.е. через неполных 30 лет, количество людей на земле определяется в 2800000000 и рост населения угрожающе увеличивается. Необыкновенный прогресс науки, открытие антибиотиков, гигиена, дезинфекция и усиленное поощрение разными искусственными мерами рождаемости, привели к тому, что, в то время как раньше, согласно приведенному Huxley примеру, нужно было 1600 лет чтобы удвоить число людей обитающих на земле, теперь для этого понадобится менее 50 лет. В 1959 году перевес рождаемости над смертностью выражается в количестве 43 миллионов людей в год и перед человечеством ставится очень грозный вопрос: найти равновесие между количеством людей и количеством имеющихся на земле богатств. Эта проблема, с точки зрения Huxley, является кардинальной и последствием такого хаотического размножения людей неминуемо будет все большее и большее увеличение власти государства,

регламентаций и стеснение индивидуальной свободы, для которой, в новом мире, уже не останется места.

В своей первой книге Huxley предполагал. Что проблема равновесия между количеством населения и количеством производимых богатств будет разрешена двойкой регламентацией рождений и производства, но уже сейчас видно. Что человечество этим вопросом совсем не занималось, что и привело его к теперешнему состоянию, грозящему неминуемой катастрофой в самом близком будущем.

Увеличение народонаселения особенно чувствуется в странах называемых теперь «sous-developpees», где смертность значительно сократилась. Благодаря применению гигиены и антибиотиков, осушению болот, борьбе с насекомыми и т.д. В некоторых странах Азии, равно как и в центральной и южной Америке, рост населения принимает угрожающие размеры, несмотря на все усилия увеличить производство пищевых продуктов, создать на местах новую промышленность, школы и привлечь туда учителей, которые могли бы образовывать детей и юношество. Темп увеличения народонаселения в значительной мере быстрее темпа проведения мер обеспечивающих этому новому слою населения более или менее достойное существование. Это приводит к самым трагическим последствиям, как с точки зрения санитарного и культурного уровня этих стран. Так и с точки зрения угрозы проникновения туда тоталитарных систем.

Мы знаем, что перенаселенность ведет к нарушению экономического равновесия, к социальным брожениям, приводящим. В свою очередь, к усилению контроля и регламентаций и параллельному увеличению власти государства и диктатуры. Это тем более опасно в наше время, когда в мире существует сильнейшее коммунистическое государство, зорко следящее за всем, что происходит и необыкновенно умело пользующееся всеми возможностями для реализации намеченного им идеала – утверждения коммунизма на всей земле. Нельзя приуменьшать эту опасность для западного блока – новые тоталитарно коммунистические государства неминуемо займут по отношению к нему враждебную позицию и это грозит нормальному снабжению сырьем промышленности демократических стран. Высокий стандарт жизни Соединенных Штатов в большой мере зависит от импорта туда сырья из южной Америки, получаемого на условиях оставляющих значительную прибыль, позволяющую платить рабочим высокие ставки и пользоваться большим комфортом. Можно уже сейчас представить, какие последствия для огромной промышленности Америки будет иметь значительное повышение цен на сырье, грозящее настоящей социальной катастрофой, безработицей, т.е. созданием наиболее благоприятной атмосферы для коммунистической пропаганды. Процесс этот уже начался – мы видели что произошло в Венесуэле, одной из первых стран по добыче нефти, в Кубе, производительнице сахара. Мы видели что происходит на Ближнем

Востоке, где западные демократии теряют один за другим свои вековые бастионы, на Дальнем Востоке – в Китае, в Малайских странах, в Индонезии – словом во всех бедных и недоразвитых странах, представляющих собой идеальную почву для коммунистической пропаганды. А о том, чем будет новый коммунистический мир, мы можем иметь представление из примера современного Китая, где жизнь ничем не отличается от описанной Нухлеу жизни обитателей его «Brave New World».

О проблеме перенаселенности очень много писали в последнее время, усматривая в этом феномене причину войн. Известный социолог и наш брат Gaston Bouthoul посвятил этой проблеме целый ряд трудов, пытаясь создать новую науку – полемологию – которая всецело вытекает из изучения демографии. Бергсон тоже видел в увеличении народонаселения опасность войны «Laissez faire Venus et et vous aurez Mars» писал он в своей книге «Les deux sources de la Morale et de la Religion». Эти теории отнюдь не противоречат, а скорее подтверждают выводы Нухлеу, т.к. война еще в большей степени ведет к тоталитаризму и ограничениям свободы, чем экономические кризисы и социальные брожения.

Столь критикуемый всеми Мальтус, теории которого вызвали резкую критику Маркса, называющего его «Сикофантом аграрной аристократии», был, может быть, единственным экономистом начала XIX века, который сумел обратить внимание на утопический характер каких бы то ни было проектов преследующих улучшение условий жизни, и не учитывающих необходимости известной регламентации рождаемости. Мальтус, воспитанный на строгом пуританизме, видел в эксцессах рождаемости наказание свыше и следствие грехопадения, но поставленная им проблема не нашла никакого отклика и только последнее время о ней стали писать. Вопрос этот, с моей точки зрения, представляется чрезвычайно важным, т.к. предполагаемое разрешение его противоречит основной идее, обуславливающей конечное торжество свободы в мире и я не скрою от вас, что это меня очень смущает. Все моралисты, анализируя вопрос о целях и средствах, всегда настаивали на том, что никакая, самая хорошая, цель не может служить оправданием злых средств. Об этом не стоит распространяться – мы все знаем, к каким результатам привело насильственное и кровавое насаждение христианства в Византии и на Западе или насаждение гуманных и передовых идей французской революции. Никогда эти злые средства не приводят к преследуемой цели, и сама цель забывается. Но тут происходит обратное: совершенно парадоксально, самые лучшие средства приводят к плохим результатам, рискуя ускорить финальную катастрофу, т.е. полное исчезновение свободы в мире.

Aldous Huxley дает следующий пример: снабжая какие-нибудь дикие тропические страны лекарствами и устанавливая там гигиену, мы спасаем

этим сотни тысяч людей, которые, в свою очередь, производят на свет еще сотни и сотни тысяч полуголодных нищих, которых их страна не в состоянии кормить. Уничтожив смертность от эпидемий, малярии, желтой лихорадки, мы осуждаем этих спасенных современной наукой людей на полуголодное существование, создающее опасность, о которой я говорил, для всего мира. Над этим, правда, стоит призадуматься и этот пример красноречиво показывает на необычайную сложность всей поднятой современной демографией проблемы.

Это приводит нас к другой кардинальной проблеме – иерархии ценностей. Нельзя отрицать того, что в современном мире иерархия эта опрокинута – низшее стало высшим, а высшее задавлено. Ценность, которая есть прежде всего качество, заменена пользой, т.е. количеством. И в этом одинаково повинны и марксисты и либералы, признавая экономику предпосылкой всей человеческой жизни. В то время как она есть лишь средство, а не цель и не высшая ценность, которая мыслима только в духовном плане.

Но существуют две настоящие ценности – социальная справедливость и свобода, между которыми человек сейчас призван делать мучительный выбор. Бердяев отрицает существование этого конфликта, считая свободу «изначальнее», как он говорит, справедливости, но в развитие своей мысли он делает чрезвычайно курьезное замечание. Которое я позволяю себе текстуально процитировать:

«Противоречие и конфликт могут быть и между свободой и любовью, между любовью и справедливостью и т.д. Трагизм человеческой жизни прежде всего не в конфликте добра и зла, а в конфликте положительных ценностей».

Эта, крайне интересная, мысль нашего философа иллюстрирует только что приведенный мною пример, где мы сталкиваемся с такого рода конфликтом и когда нам надлежит сделать столь трудный и мучительный выбор.

Мы имеем дело с подлинным конфликтом двух положительных ценностей: спасения людей от болезней, борьбы со смертностью, во имя человеколюбия и солидарности. Путем применения мер, ведущих, в конечном итоге, к ущербу, если не к уничтожению, свободы.

Этот вопрос можно сопоставить со знаменитым вопросом поставленным Иваном Карамазовым, о праве создания вечной гармонии на слезинке замученного невинного ребенка. Имея к тому же все возможности и не помогая обитателям недоразвитых стран бороться с эпидемиями. Оставаясь безучастными зрителями их вымирания, мы также собираемся созидать мир Свободы, т.е. мир вечной гармонии, на слезах невинных и, конечно, мы это оправдать не можем, даже исповедуя абсолютную и изначальную ценность Свободы.

Конечно логичнее всего искать разрешения этого мучительного вопроса путем увеличения производства, но не надо закрывать себе глаза на то, что это связано с громадными трудностями. Нужно не только дать земледельцам и фермерам соответственное техническое образование, т.е. их перевоспитать, но и найти огромные средства для покупки или фабрикации земледельческих машин, удобрения, бензина для тракторов. Племенного скота и т.д. Нужно научить человека бережно обращаться с имеющимися на земле богатствами, не расточая их безрассудно и бесхозяйственной, но планомерно их эксплуатируя. Нужно бороться с тенденцией концентрации населения в городах с массовым бегством из деревень. Нужно поощрять рациональное хозяйство и все это логично и неизбежно ведет мир к усилению центральной организации, т.е. всесильного государства, поработящего свободу. Но даже принимая все эти меры – а они уже принимаются, как нам известно – время все-таки работает против нас... Если предположить, что к концу нашего столетия мы сумеем удвоить производство пищевых продуктов, то и это не разрешит вопроса, в виду того, что и население, со своей стороны, удвоится и что пропорция голодных в мире останется более или менее той же самою.

Если искать решение в регламентировании рождаемости, то это не только будет вторжением государства в самую интимную, самую сокровенную свободу человека, но это будет также нарушением заповеди Божией – «плодитесь и размножайтесь» - и такого рода регламентация встретит неминуемо всеобщую оппозицию. Я уже не говорю о том, что все современные государства заняты сейчас осуществлением как раз обратного задания: они стремятся увеличить рождаемость разными мерами и мы видим, как за последние 30 лет это способствовало, хотя бы в той стране где мы живем, значительному увеличению населения.

Вся современная жизнь доказывает. Что свобода для большинства не является главной ценностью и что для очень многих она вообще не ценность. Это не является новостью и, вообще, навряд ли можно утверждать, что свобода является природным. Естественным состоянием человека.

В биологическом мире господствуют законы инстинктов борьбы видов и рас. Так. Где органическая жизнь приобретает социальный характер, она всегда тоталитарна, как у термитов, пчел, муравьев.

Свобода есть очень поздний и тонкий слой культуры и нельзя не отметить того, что древние цивилизации совсем не знали понятия личной свободы. Для древних греков свобода означала независимость своего города. Свобода государства, но не личности. Достаточно напомнить социальную утопию Платона, где величайший философ Греции выступает в роли теоретика абсолютного тоталитарного государства.

Не надо забывать того, что интеллектуальная греческая мысль, которая определяла добро разумом, была очень далека от идеи личной свободы. Античный человек принадлежал государству и тоталитаризм совсем не новое явление нашего времени. И христианская теократия, и христианский империализм были тоталитарными и отрицали свободу духа. Свобода зарождается только в Средние века на Западе и достигает своего полного развития в XIX веке.

Покойный Г.П. Федотов. Большой знаток истории Средних Веков, блестяще описал это рождение свободы и подчеркнул роль, которую в этом сыграла католическая церковь. Не подчинившаяся власти королей, и сумевшая, в отличие от восточной церкви, создать параллельную власть, исключающую возможность тоталитарного государства. Конечно, в то время речь не шла о свободе совести – католическая церковь сжигала еретиков на кострах – но о свободе для церкви и ее иерархии, не подчиненной светской власти. Но первое условие свободы, которое Федотов видел в плюрализме власти, было достигнуто.

Переход от средних веков к новому времени принес не увеличение, а умаление свободы. Ренессанс совпадает с появлением тирании в Италии. С установлением королевского абсолютизма. С созданием национальных государств, пришедших на смену сословных вольностей Средних Веков. Реформа Лютера сыграла огромную роль в развитии свободы и знаменует второй этап в этом движении, хотя фанатизм новых сект несколько не уступал нетерпимости старой церкви.

Век Просвещения принес известную секуляризацию свободы и это выразилось в свободе исследования, т.е. науке, освободившейся от догматических предпосылок и в свободе торговли, конкуренции, хозяйства. Утвердившись в этом центре социальной жизни. Каковым является хозяйство, свобода распространяется на политику, быт, семью, воспитание. Основная предпосылка становится оптимистической. Раскрепощение личности и общества приводит к гармонии и к повышению творческих энергий. Жизнь оправдывала эти надежды в течение двух или трех поколений и XIX век был одним из самых творческих веков в истории человечества и, конечно, самым гуманным и самым свободным.

Поразительно, что Бердяев, в своем резко отрицательном отношении, даже ненависти к буржуазии и капитализму, не нашел в себе достаточно объективности, чтобы признать именно их заслуги в деле установления свободы, не желая видеть в этом классе никаких исторических заслуг. В этом отношении он даже менее справедлив, чем Маркс. Новая эра, как справедливо отметил Бердяев, начинается в 1914 году, когда, по его определению, окончилась «ренессансная» эпоха и наступило новое средневековье. Мы видим, какой удар нанесен свободе и свободам и новое общество, о котором можно судить на основании того,

что уже происходит, рисуется скорее в форме тоталитарного государства, чем в какой-нибудь другой форме. В своем анализе нового человека, Бердяев замечает, что человек менее меняется, чем это кажется и что перемена, которую мы наблюдаем, скорее внешняя, чем внутренняя и глубокая: так, коммунист, победивший и захвативший власть, может остаться внутренне и духовно до мозга костей – буржуа. По мнению Бердяева, и с этим мы, вероятно, не можем не согласиться, идея нового человека связана с идеей нового рождения и только новое рождение преобразует человека, делая его иным. Говоря, что идея нового рождения была принесена христианством, Бердяев как будто не учитывает античного посвящения, что очень странно, принимая во внимание его огромную эрудицию. Но в чем он, конечно, прав, это в том, что ни внешнее изменение, ни революции, в которых действуют старые инстинкты жестокости, насилия и властолюбия, ни экономика, не способны создать нового человека, который возможен только в результате нового рождения. «За этим действительно новым человеком скрыт, как пишет Бердяев, не только вечный Человек – Адам Кадмон, но и ветхий человек, ветхий Адам. В глубинном подсознательном слое человека есть и первобытный человек; он не окончательно преодолен, в нем есть и мир звериный, как есть и история».

Псевдо-новый человек, который представляется нашему воображению, т.е. человек созданным Советами и, который во много может оказаться похожим на гражданина столь враждебной им Америки, есть скорее возвращение к старому человеку. Прошлый человек тоже был коллективистичен, он не имел вкуса свободы и всегда был склонен, принять средства жизни за цели жизни. Только преобразование, новое рождение могут сделать этого нового человека, появление которого должно приветствовать и наша задача как раз и заключается в том, чтобы этому способствовать.

Всякий доклад требует заключения, которое, в данном случае, очень трудно сделать, тем более, что заключение это, по нашей традиции, должно быть, в принципе, оптимистическим.

Оснований к оптимизму мало: демографическая опасность, на которой я подробно остановился, представляется мне огромным препятствием к осуществлению мира свободы. Верить в то, что мудрое Провидение само разрешит этот вопрос, послав человечеству новые войны, катаклизмы и эпидемии, тоже не предрасполагает к оптимизму. А мир, в котором свободы больше не будет, где все будет строго регламентировано, в силу необходимости, для нас совершенно неприемлем. С нашей точки зрения, для свободы можно и должно пожертвовать жизнью, но для жизни не должно жертвовать свободой. С точки же зрения современного человека это как раз наоборот.

В общем, как писал Бердяев, нам было суждено быть свидетелями реализации утопий, которые оказались совершенно реальными. И наша задача – и задача наших наследников – и будет состоять в том, чтобы помешать этой реализации и возвратиться к, может быть, менее совершенному, менее утопическому, но более свободному обществу.

Но, как я сказал в начале моего изложения, не следует предаваться унынию, т.к. будущее нам не дано. Может быть еще рано хоронить свободу. Как и во время Ренессанса, сейчас, конечно, существует угроза окончательной смерти свободы, т.е. завершения всей культуры в тоталитарном государстве. Но если эта опасность была предотвращена однажды, ее можно победить и теперь.

Будем же на это надеяться!

С Тикстон.

О МАНОСКОМ МЕТОДЕ

Доклад Бр. • . М.В. Гардера

«Астрейя» 12 Февраля 1960.

Название моего доклада может показаться некоторым из вас претенциозным, а другим не совсем понятным. Посему считаю своим долгом. Перед тем как приступить к самой сущности дела, дать вам короткое объяснение, касающееся причин, побудивших меня изложить столь сложный вопрос.

Бдучи еще профаном, при первом моем разговоре с нашим д. • .бр. • . Владимиром Леонидовичем Вяземским, который должен был стать моим первым Д. • .М. • ., последний сказал мне следующее – «Вы не думайте, что масонство какая-то религия, какое-то тайное общество... масонство это метод!» В те времена я был слушателем Военной Академии и вы, может быть знаете, что одна из главных задач этой Академии состоит в том, чтобы внедрить в своих слушателей метод рассуждения, позволяющий им разбираться впоследствии не только в чисто военной обстановке, но и во всех сложных вопросах, политических и экономических, с которыми в наше время связана национальная оборона. Поэтому, услышав знакомое мне слово «метод», я еще более твердо решил вступить в ряды вольных каменщиков. Я чувствовал, что в моих исканиях, тогда еще довольно смутного идеала, я не только буду не один, раз меня должны принять в какое-то общество, но, к тому же, самая сущность этого общества была каким-то доселе мне неизвестным методом.

Впоследствии, в масонской жизни, когда старшие братья задавали мне вопрос: «не разочаровались ли вы в мас. • .?» Я всегда без всякой задней мысли мог им ответить: «нет!» Не потому, что я с первых же дней освоил тот метод, о котором говорил мне дорогой б. • . В.Л., а потому что с самого дня моего посвящения я убедился в том, что этот метод действительно существует и что, постепенно, открывая и применяя его, становишься на какой-то новый путь, непонятный профану.

Не раз привелось мне, за мое короткое пребывание в рядах Вольных Каменщиков, размышлять об этом мас. • . методе и его основах, ибо, по моему, если и возможно добиться результатов, применяя давно испытанный метод. Не задумываясь об основах этого метода, то он еще лучше усваивается, когда, хотя бы частично, восприняты его основы.

В моем настоящем докладе я не имею, конечно, претензии сформулировать какие-то законы или проповедовать *ex cathedra* какие-то истины. Мне хотелось бы лишь поделиться с вами дд. • .бр. • . некоторыми личными мыслями об основах мас. • . метода, в надежде, что столь важная для нас тема побудит старших, более опытных дд. • .бр. • .

высказать затем свое мнение. В конечном итоге мой доклад является не законченным произведением, а лишь вступлением для обмена мнений, который, надеюсь, последует, в храме или за бр. • чаем.

Закончив этим пожеланием мое вступление, перехожу к изложению моей темы.

В Декабрьском Вестнике объединения русских лож, наш бр. • . М.Г. Корнфельд припоминает выступление В. • .М. • .В. • .Л. • .Ф. • . Дюпюи, на совещании Великих Мастеров разных послушеств, в котором Великий Мастер напомнил о том, что «предмет работы наших мастерских обусловлен стремлением каждого бр. • . к познанию, т.е. в посвящении – метод, которым традиционно пользуется Орден носит название «Символизма».

В этом определении В. • .М. • . выявляется вся сущность мас. • . метода, метода посвячительного. В отличие от множества других методов существующих в профанской жизни и применяемых в науках, в разных отраслях искусства и т.п.

Основы этого метода суть – универсальность, посвящение, символика, закономерная прогрессивность и создание цепи. И мне кажется, что пять основ совмещают все остальные, и что когда мы их вкратце пересмотрим, то самое главное о методе будет сказано.

Почему я начал с универсальности? Потому, что мне кажется что без идеи универсальности само масонство не могло бы существовать и ни о каком методе не было бы разговора. Универсальность не должна составлять какое-то отвлеченное выражение, а должно быть первой основой, первой предпосылкой, как же как логика лежит в основе всех методов применяемых в профанской жизни. Как вы знаете, идея универсальности лежит в основе конституции Андерсона и с ней неразрывно связано понятие о преимуществе духа.

Эта неразрывная связь между универсальностью и преимуществом духа существует не потому что Андерсон был верующим и желал собрать в единую цепь людей разных наций, сословий и вероисповеданий, за исключением «глупых атеистов», а потому что универсальность не совместима с абсолютным материализмом.

В научно-материалистических понятиях, универсальность сводится лишь к интернационализму классового характера, построенного на совокупности материальных интересов. Капиталисты всех стран составляют одно целое не потому что они люди, а потому что они имеют общие материальные интересы. Трудящиеся всех стран объединяются против эксплуататоров, т.к. в этом состоит их материальный интерес. И в конечном итоге человечество будет объединено лишь потому, что исчезнут классовые противоречия и что материальные интересы всех будут совпадать.

Можно ли назвать идеал такого объединения универсальностью? Безусловно нет! Универсальность есть стремление объединить человечество не на почве материальных интересов, а на высших началах. Стремление найти между людьми доброй воли общий язык и общие чувства, дабы общими усилиями добиваться пути истины, т.е. чего-то Высшего, Единого и Неоспоримого.

Идея универсальности отнюдь не отрицает ни индивидуального «Я» каждого человека, ни коллективного «Я», как например национального, а наоборот. В универсальности должны гармонически слиться все индивидуальные и коллективные «Я», отнюдь не потеряв своей сущности. Но благодаря общему стремлению к единой истине, частица которой заложена в каждом индивидуальном и в каждом коллективном «Я».

Признание существования этой частицы, есть признание преимущества духа над материей, и приводит к признанию существования какой-то частицы в других «Я» и наконец к необходимости сближения с этими другими «Я», дабы совместно добиться не слияния всех «Я» как таковых, а слияние всех подобных частиц этих «Я».

Конечно, профан стучащийся к нам не всегда себе ясно отдает отчет в том. Что побудило его на этот шаг. Но если в нем нет хотя бы смутного стремления к универсальности, то ему будет трудно впоследствии с пользой для себя и для братьев применять мас. • . метод.

И эту искру, это предрасположение к универсальности должны, мне кажется, в первую голову, уловить в будущем вольном каменщике и братья ведущие с ним предварительные разговоры и все братья лежи при опросе.

Как я уже говорил, идея универсальности обуславливает метод, и без нее, мне кажется, метод остается лишь каким-то упражнением, без конечной цели.

Вторая основа метода, составляющая в то же время и его начало и заключение, альфу и омегу масонства – посвящение.

О самом посвящении мы уже слышали замечательные доклады бр. • . Сергея Павловича Тикстона и бр. • . Петра Андреевича Бобринского. После всего, что было сказано и в докладах этих двух ббр. • . и всеми братьями принимавшими участие в обсуждении эти докладов, не чувствую себя в силах принести вам что-то новое.

Но не говоря о самой сущности посвящения, а о посвящении как об основе и составной части мас. • . метода, считаю своим долгом все же добавить следующие мысли.

Я сказал, что посвящение составляет альфу и омегу масонства. Благодаря посвящению профан вступает в новую, мас. • . жизнь;

благодаря посвящению, масон продвигается в этой новой жизни. Живет этой новой жизнью и лишь благодаря посвящению может надеяться приблизиться к ее идеальному концу. Посвящение является ключом масонства, единственным подходом к масонским трудам.

Если, как я говорил, универсальность является масонской логикой, то без посвящения эта логика не может применяться, поскольку не открыт путь к ее применению.

Посвящение состоит не только в самом акте введения в новую жизнь, не только в свете озаряющем вступление в эту новую жизнь. Оно является также самым порывом этой новой жизни. То, что посвящаемый в то же время добровольно поддается посвящению, т.е. продолжает полностью осознавать свое «Я» и вместе с тем посвящается другими «Я», входя тем самым в общую цепь, обуславливает его дальнейший путь.

Так же, как в хорошо составленном сочинении, вступление содержит в себе и зачаток замысла и освящение всей темы, так и посвящение содержит в себе и зачаток масонского замысла и освящение масонского пути; и также, как в том же хорошо составленном сочинении, существует связь между составными частями, благодаря основной идее замысла, так же и на всем продолжении масонского пути. Мы находим постоянную посвятельную связь.

Посвящение является, наконец, масонским стилем, т.е. специфическим отпечатком, коренным образом отличающим мас. • . мир от профанского.

Располагая своей логикой, т.е. основными принципами мышления, заложенными в идее универсальности, ключом, порывом и стилем посвящения, остается приступить к решению самой задачи – к построению масонского храма, т.е. к символическим трудам нашего Ордена.

Символизм – характеристика масонского метода, подход к задаче. Давно испытанный прием для ее решения, или вернее продвижение к ее решению и, в то же время, светочи и вехи масонского пути.

Благодаря общепринятым символам, масонство связывается с далеким прошлым, вдохновляется древней мудростью и в то же время продвигается т.к. символический труд над самим собой, в тесной связи с остальными братьями обогащает весь орден. Благодаря символам. Идея универсальности, заложенная в основу метода, становится живой, осязаемой идеей, так же как и логика становится осязаемой. Когда она применяется к решению задачи.

В каждом продуманном символе вольный каменщик находит пищу вдохновляющую его, и умственным обогащением продуманного, и отрадным впечатлением нового открытия.

О масонской символике было написано не мало трудов, и символы представляют неисчерпанные источники докладов и прений. В данном случае я ограничусь лишь тем. Что вкратце упомяну главную причину применения символики.

Эту причину красочно выразил наш дорогой брат Михаил Германович Корнфельд в своей вышеупомянутой статье.

«Вольный каменщик, пишем Михаил Германович, надеется найти в масонстве новый подход к вещам, новый путь, освещенный посвятителем традицией, который бы ему помог развить в себе ту частицу высшего духовного начала, которая заложена в человеке, но не доходит до его сознания, пребывая в области подсознания или вернее, над или сверхсознания».

Не прибегая к символам, ограничиваясь профанскими методами мышления, собраниями в обычной обстановке, даже беседуя на так называемые возвышенные темы, можем ли мы добиться того, о чем говорит бр. • . Корнфельд и что действительно является нашим стремлением? Абсолютно нет.

В храме же. Благодаря той посвятителем обстановке, созданной присутствием символов и строго соблюденным ритуалом, когда каждый жест наш, каждое слово проникнуто смыслом, когда чувствуешь, что не ничего лишнего, ничего праздного, мы. Вольные Каменщики, должны испытывать то же полное чувство, что испытывали наши предшественники – оперативные масоны, когда совершенствовались в своем строительном мастерстве.

Принеся в область моральную, спекулятивную, священный порыв этих чудотворных строителей древности, мы лишь продолжаем их труд в другой области, в области духовной и как они стремились воздвигнуть храм во славу В. • .С. • .В. • . Наш вклад в это строительство и есть та потаенная частица нашего «Я», о которой мы уже говорили, которой можно лишь добиться обтесав сперва грубый камень, в коем она заложена.

Так же как и у оперативных масонов строго соблюдался порядок работ. Традиционные приемы. Четкость жестов и тайны искусства, так же и у нас должны строго соблюдаться ритуал, украшение храма и тайны «королевского искусства».

Проникнуться глубоким смыслом символики отнюдь не значит впасть в догматизм. Вольный Каменщик не обоготворяет символы. Он не преклоняется слепо перед ними. Нет. Он ищет в них потаенный смысл. Они являются для него вспомогательными средствами на его пути. В них он находит также отражение той универсальности к которой он стремится, ибо они составляют тот общепонятный язык духовный. Которого не может затронуть «смешение языцей».

Благодаря этому символическому языку, масонство не является каким-то клубом со своим уставом, каким-то просто филантропическим обществом, а чем-то несравненно более высоким. Ибо оно не ограничивается достижением умеренной цели, а стремится все дальше и выше, к единой истине.

Говоря это. Я вовсе не думаю превозносить собственные достоинства и грубо льстить братьям. Речь идет не о наших достоинствах, а о достоинстве самого метода, который мы, как далеко не совершенные люди, часто неумело, плохо или недостаточно применяем.

Но может ли применяться символический метод сумбурно. Без закономерной прогрессивности? Конечно нет! Это являлось бы противоречием самому слову метод.

Продвижение по масонскому пути ведется методично, прогрессивно, не только в подражание традиции оперативного масонства, но потому что путь этот не скачка через препятствия, а постепенное, планомерное преодоление препятствий, ожесточенная борьба против злейших врагов, наших собственных недостатков.

Борьба же эта не ведется как у отшельников разных вероисповеданий, путем умерщвления плоти. А при помощи постоянной работы над самим собой благодаря, в первую очередь, самопознанию.

Но, как и вся символика, закономерное продвижение по масонскому пути не должно пониматься формально. Догматически. Нередко приходится возвращаться обратно, набираться новых сил и вновь проделывать тот же путь. Как и при решении математической задачи приходится не раз проверять свои подсчеты с самого начала.

Накопленный же опыт за неоднократно пройденный путь обязывает вольного каменщика еще больше работать над самим собой и в то же время помогать в их работе остальным братьям.

Пятой и последней основой масонского метода является создание цепи, иными словами, непрерываемой братской связи между масонами всего мира, между прошлым и настоящим, между настоящим и будущим.

Благодаря цепи мы находимся в тесном контакте не только с братьями нашей ложи. Нашей Великой ложи, но и со всеми регулярными послушествами всего мира. Благодаря цепи, мы связаны со всеми братьями давно ушедшими на В. • .В. • . и наша цепь, в свою очередь, свяжет нас с будущими поколениями Вольных Каменщиков.

Чувство принадлежности к масонской цепи, зарожденное в нас стремлением к универсальности, осознается благодаря посвящению и развивается благодаря строгому и прогрессивному применению символического метода. Масонская цепь зачаток осознания всем человечеством неразрывной, братской и пока лишь идеальной связи

между всеми людьми и всеми поколениями. Т.е. окончательного торжества идеи универсальности и окончательной победы духа над материей.

Но чтобы цепь не прерывалась, необходимо чтобы каждый входящий в нее, не только сознавал необходимость ее непрерывности, но и также, что без духовного участия каждого ее звена цепь теряет свой смысл и сводится к безжизненному хороводу. Цепь не существует как застывшая связь. Она постоянно воссоздается. При общем содействии всех вольных каменщиков, свободно и сознательно ее создающих.

Перебрав его основы. Мне остается лишь определить масонский метод. Мне кажется, что это определение могло бы быть сформулировано следующим образом.

Посвятительный метод, основанный на идее универсальности и прибегающий к символике в виду самосовершенства человека через самопознание в тесной и братской связи с ему подобными людьми и имеющий идеальной целью познание истины и приобщение к ней всего человечества.

Формулируя определение метода, мы конечно не формулируем определения всей мас. • . сущности, ибо метод хотя и главная часть, я сказал бы важнейшая часть, но все же лишь часть этой сущности.

Когда-то. Наш бр. • . Иван Павлович Кобеко напоминал нам, что величайший русский вольный каменщик Новиков неоднократно задавал себе вопрос «Что такое масонство?» и не чувствовал себя в силах ответить на этот вопрос. Способны ли мы на него ответить? Знаю лишь, что с моим малым опытом не дерзну даже себе его задавать.

Выбирая тему моего доклада я остановился на основах масонского метода потому, что эта тема мне показалась очень важной. В моем вступлении я уже объяснил и причины меня побудившие за нее взяться и надежду на то. Что она послужит богатой темой для последующих прений.

Мой доклад мог вам показаться конспектом, а не докладом. Перебирая основы масонского метода, я лишь коснулся их. Полагаю, что каждая из них могла бы послужить темой не одного доклада. Делая это я исходил из глубокого убеждения, что в масонстве не так важно то, что сказано, как то глубокое, что скрыто за тем, что сказано.

Составляя этот короткий доклад, может быть не всегда удачно выражаясь, я лично переживал и мое волнение перед посвящением и незабвенные минуты самого посвящения, и наши обряды и символику; и мне казалось, что я никогда так явственно не осознавал чувство создающейся масонской цепи.

Боюсь, что мое сухое изложение не передало вам, во всей их полноте, эти чувства, которыми мне так бы хотелось поделиться с вами.

Я намеренно ограничился малым количеством цитат, стараясь своими словами передать результаты моего мышления о масонском методе. Моя единственная надежда, что благодаря моему сухому конспекту, многие более опытные и достойные братья заполнят пробелы в моей работе и что, дав им для этого повод, я все же принес какую-то малую пользу нашему общему делу.

М.Гардер.